

Фонетическая адаптация заимствованных германизмов в белорусском языке

*Молдованова Т. В., студ. V к. ГГУ им. Ф. Скорины,
науч. рук. ст. преп. Игнатюк Г. Н.*

Тесная взаимосвязь языка и народа, который на нем мыслит и говорит, не подлежит никакому сомнению. Словно живой организм, язык теряет «отжившие» свой век элементы и обрастает новыми словами и выражениями — новыми структурными клетками, которые вдыхают жизнь в уже сложившуюся систему, наполняют ее энергией, заставляя функционировать с новой силой. Одним из таких источников пополнения морфологического, словарного и фразеологического уровней языковой системы являются заимствования.

В силу определенных причин и условий белорусский язык на определенных этапах своего развития впитал в себя огромное количество заимствованных слов: латинизмов, грецизмов, германизмов, славянизмов и др. Многие из этих заимствований настолько прочно укрепились в языке, что порой достаточно трудно определить подлинную этимологию слова. В немалой степени этому способствует адаптация заимствований в новом для себя языковом окружении. Лингвист Демьянов В. Г. утверждает, что заимствование в целом рассматривается как процесс постепенной, протекающей во времени и пространстве адаптации, т. е. приспособление иноязычного слова к разным сторонам системы языка-рецептора. И в процессе этой адаптации, в ее характере отражается взаимодействие двух контактирующих систем [1, с.9].

Рассматриваемая группа заимствований — германского происхождения. Однако нельзя пренебрегать тем условием, что практически все элементы группы были заимствованы в белорусский язык из языка польского, что не могло не наложить свой отпечаток. Попав на благодатную языковую почву Польской Короны в XIII—XV веках (что было связано с экономической экспансией Польши немецкими колонистами), германизмы плавно перекочевали в белорусский язык, претерпевая при этом изменения различной интенсивности. Стоит отметить, что некоторые из нижеприведенных лексических единиц на сегодняшний день отсутствуют в современном немецком, польском или белорусском языке. Это слова, которые были вытиснуты со временем синонимами (архаизмы), либо слова, обозначающие уже не существующие понятия или явления (историзмы). Однако, рассматривая их в данном контексте, мы легко можем проанализировать характер общественно-политических и социально-экономических отношений между нашими народами.

Если внимательно изучить графическую форму слов, которая является материальным выражением вкладываемого в него понятия, мы можем заметить, что внутри одной цепочки слова находятся в разной степени адаптированности. Например, можно говорить о минимальной адаптации немецкого слова Schram,

которое в польском и белорусском языках звучит также: Schram (нем.) > szram (польск.) > шрамъ (ст.-бел.). Это же наблюдаем и со словами Mord, hwila, Stof: Mord > mord > мордь (убийство); hwila > chwila > хвиля; Stof > sztof > штофъ.

Немного отличается другая группа слов. Немецкие слова durchslac и Harfe практически без изменений осели в польском языке, но претерпели фонетические процессы в языке белорусском: durchslac > durszlak > друшлякъ; Harfe > harfa > арфа.

Наоборот, немецкие слова galle, gestalt, suchen и другие непосредственно белорусским языком не адаптировались, т. к. до этого изменили фонетическую форму еще в стадии прохождения через польский язык: galle > gałka > кгалка (предмет круглой формы); gestalt > kształt > кштальт (форма); suchen > szukać > шукати; kehren > kierować > керовати (управлять); volgen > folgować > фолькговати (сдерживать); segenen > żegnać > жекгнати (крестить); tanz > taniec > танецъ.

И последнюю группу заимствований представляют слова, фонетическая форма которых не совпадает с немецкой ни в польском, ни в белорусском языках: März (нем.) > marzec (польск.) — субституция звука [p] на [ж], вокализация слога; marzec > марецъ (ст.-бел.) — субституция звука [ж] на [p]; benchart (нем.) > bękart (польск.) — субституция звука [x] на [к], [н] на носовой звук [э^н]; bękart > бенкартъ (ст.-бел.) — субституция звука [э^н] на [э].

Как видно из примеров, слова подвергались различным фонетическим процессам: выпадению звуков, или упрощению (**gestalt** > **кштальт**, **Harfe** > **арфа**), субституции (bękart > **бенкартъ**, malarz > **маляръ**, galle > **кгалка** (буквосочетанием «кг» или «гг» в письменных памятниках старобелорусского языка передается взрывной «г»)), **Graf** > **кграфъ**), вокализации слогов (März > **марецъ**), вставке звуков (galle > **кгалка**), метатезе (durchslac > **друшлякъ**).

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть, что ни один язык не может существовать изолированно от других языков, не заимствуя при этом отдельные его компоненты. Но лишь в адаптации новых элементов, их изменении и «подгонки» до привычной носителю языка формы и проявляется многообразие, неповторимость и живая сила языка, заимствующего новое слово.

Литература

1. Демьянов, В. Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века / В. Г. Демьянов. — М.: Наука, 1990. — 160 с.
2. Булыка, А. М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А. М. Булыка. — Мінск: Навука і тэхніка, 1980. — 256 с.